

было мнѣ оснований уйти въ стѣну глубины давно умершихъ египетскихъ настроеній, которыя ужь несомнѣнно не могли бы возбудить вопросовъ въ цензурномъ отношеніи... И новую пьесу свою я безпрепятственно построилъ по одному изъ романовъ названнаго мною автора. Пьеса была разрѣшена, повозбранно допускались всѣ измѣненія и дальнѣйшія дополненія, — и такимъ образомъ пьеса появится въ театрѣ К. Н. Незлобина.

— Въ газетахъ сообщались подробности относительно обстановочной стороны пьесы...

— Да, пьеса очень обстановочная, но, къ моему удовольствію, въ совѣщаніи съ дирекціей и режиссерами мы единогласно пришли къ выводу о нежелательности выдвигать на первый планъ показную сторону пьесы, такъ какъ въ ней имѣется, какъ ни какъ, своя собственная внутренняя драма, которую заслонять виѣшностью намъ не показалось нужнымъ.

На Эберса существуетъ или существовалъ взглядъ, — продолжалъ дальѣ Н. А., — будто романы его лишены особой внутренней углубленности... Я готовъ признать это развѣ лишь въ томъ отношеніи, что въ романахъ его отсутствуютъ та большая изломанность и общензвѣстная волна сексуальности, которая такъ разлита въ нашей современности. Больше того, скажу, что эта, если возможно такъ выразиться, непорочность и дѣвственность изложения явилась одной изъ главныхъ причинъ, почему я такъ охотно отошелъ въ глубь „сѣдыхъ временъ“. Я постарался только суровую простоту ушедшей эпохи обвѣять нѣкоторымъ лиризмомъ, внести тѣнь жизнерадостности въ прямолинейность каменныхъ египетскихъ позъ. Удалось мнѣ это или нѣтъ, — судить не мнѣ, — объ этомъ скажетъ 15 декабря...

Раннее утро

У автора „Новаго жреца“.

(ИЗЪ БЕСѢДЪ.)

По поводу предстоящей 15 декабря въ театрѣ Незлобина постановки пьесы Крашенинникова „Новый жрецъ“ нашъ струдникъ бесѣдовалъ съ авторомъ ея.

— „Новый жрецъ“, — сказалъ намъ Н. А., — написанъ мною уже два года тому назадъ, но, въ виду его темы (жизнь древняго Египта 1352 г. до Рождества Христова), мнѣ прежде всего хотѣлось возможно тщательнѣе обосноваться во взятой темѣ изученіемъ источниковъ. Уже давно интересуюсь я угасшей жизнью этой яркой эпохи и прежде всего обратился къ Эберсу, этому несравненному знатоку египетскаго быта и увлекательному рассказчику, котораго хочется мнѣ называть египетскимъ Вальтеръ-Скоттомъ. Какъ разъ было то время, когда у меня послѣдовалъ рядъ цензурныхъ неудачъ съ моими оригинальными пьесами, и тѣмъ больше